

**ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ПРИМЕНЕНИИ НОРМ О ПРЕКРАЩЕНИИ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН**

© 2014

И.Л. Стерлегова, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: примирительные процедуры; восстановительное правосудие; медиация; альтернативное урегулирование споров; прекращение уголовного дела; уголовная политика; примирение.

Аннотация: Прекращение уголовного дела представляет собой один из важнейших актов уголовного судопроизводства. Задачи защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод обеспечиваются посредством прекращения уголовного дела. Данный акт завершает не только производство предварительного расследования, но и в целом производство по уголовному делу. Данный акт определяет судьбу лица, привлеченного в качестве обвиняемого или подозреваемого, а в стадии судебного разбирательства и подсудимого. Однако вопрос о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон относится к правам потерпевшего и заслуживает отдельного рассмотрения.

В России велась и ведется теоретическая разработка и внедрение в уголовное судопроизводство форм мирного и компромиссного разрешения уголовно-правовых конфликтов, возникающих в результате совершения преступлений небольшой и средней тяжести, т. е. предусматривающих меру наказания до пяти лет лишения свободы за умышленные деяния и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание превышает три года лишения свободы. Данная форма разрешения уголовно-правового конфликта гарантирует право потерпевшего от преступления на быстрое возмещение причиненного ему вреда, а также освобождает его от необходимости дальнейшего участия в судопроизводстве в связи с прекращением уголовного дела, в значительной мере снимает психологическую нагрузку с потерпевшего в ходе расследования и судебного разбирательства.

Разрешение уголовно-правовых конфликтов мирным путем позволяет также государству экономить человеческие, временные и финансовые затраты, необходимые для осуществления уголовного судопроизводства. Вместе с тем данный порядок может иметь и негативный характер, когда потерпевший подвергается угрозам и принуждению к «примирению» со стороны заинтересованных в прекращении дела лиц [1].

В статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы российского уголовного судопроизводства, связанные с возможным расширением примирительных процедур (медиации) на различных стадиях уголовного судопроизводства, предлагаются варианты изменения уголовно-процессуального закона.

В последние годы в российской юридической науке и практике идет активное обсуждение и предпринимаются попытки практической реализации идей альтернативного правосудия и внесудебного урегулирования споров. Многие из этих идей были воплощены в принятом в 2010 г. Федеральном законе Российской Федерации от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», который регламентирует применение альтернативных процедур в гражданских и связанных с ними правоотношениях, оставляя при этом неурегулированными правоотношения уголовно-процессуальные.

Действующий УПК РФ в числе субъектов, осуществляющих действия по примирению, называет только государственные органы (суд) и должностных лиц (следователь, дознаватель, прокурор). При этом интересно, что указанный выше закон № 193-ФЗ в ст. 2 содержит определения таких понятий, как медиатор (независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора); организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации (юридическое лицо, одним из основных видов деятельности которого является деятельность по организации проведения процедуры медиации) [2, с. 15].

Сама логика альтернативных механизмов судопроизводства требует введения в процедуру уголовно-процессуальной медиации отдельного предусмотренного законом института (не связанного с органами судеб-

ной власти и расследования), уполномоченного на активные действия по примирению участников конфликта и формулирование юридически значимого решения в виде письменного заключения (медиативного соглашения), фиксирующего наличие оснований для примирения участников конфликта и факт такого примирения.

Этот вопрос тесно связан с другим интересным аспектом, который можно представить как обязанность властных субъектов уголовного судопроизводства осуществлять деятельность по примирению сторон уголовно-правового конфликта. В действующем УПК РФ получила закрепление лишь обязанность мирового судьи разъяснять сторонам возможность примирения по уголовным делам частного обвинения как обязательный элемент процедуры судебного разбирательства (ч. 5 ст. 319).

Для развития механизмов медиации в уголовном судопроизводстве необходимо распространение этого правила на должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, – следователя, дознавателя, судьи федерального суда. Все перечисленные, на наш взгляд, должны принимать меры к обеспечению возможностей альтернативного разрешения спора. По меньшей мере это должно подразумевать по аналогии с вышеупомянутой нормой обязанность разъяснить сторонам возможность примирения и включения механизма медиации.

Статья 25 УПК РФ в целом регламентирует порядок прекращения уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести в связи с примирением сторон. Оно возможно как на досудебных, так и на судебных

стадиях, требует волеизъявления потерпевшего и согласия обвиняемого. При этом в материалах дела должны получить отражение факт примирения и факт заглаживания вреда.

В связи с этим возникает еще один вопрос: а возможно ли применение механизмов медиации по уголовным делам, в которых нет потерпевшего, а вред преступлением причинен обществу или организации? Некоторые авторы, например А.А. Арутюнян [3, с. 3], считают, что наличие потерпевшего – физического лица является в настоящее время и должно оставаться в будущем обязательным признаком уголовного дела, в рамках которого можно прибегнуть к медиации. На наш взгляд, это очень важная тема, требующая дальнейшего осмысления. Кроме того, нормы действующего уголовного и уголовно-процессуального права, а именно ст. 28 и 28.1 УПК РФ, дают возможность прекратить уголовное дело о преступлении небольшой или средней тяжести в связи с деятельным раскаянием и возмещением ущерба бюджету Российской Федерации в полном объеме (по соответствующим видам преступлений, где потерпевший как физическое лицо отсутствует). Конечно, изначально данные процедуры предназначены для реализации деятельного раскаяния, но принципиального значения в рассматриваемом контексте это не имеет.

Среди ученых по поводу указанной проблемы получили распространение два различных мнения [4, с. 27]. Первое – о необходимости четкого определения круга деяний, по которым возможно примирение сторон; о запрете, прекращении уголовных дел в случае, когда объектом преступного посягательства явились публичные интересы. Приверженцы другой точки зрения считают невозможным введение доброго ограничения.

Так, исследователи Н.В. Артеменко и А.М. Минькова [5, с. 48] отмечают, что «лишь в случае, когда преступное посягательство осуществляется на интересы, находящиеся исключительно в частной сфере, примирение возможно, и конфликт интересов, порожденный фактом совершения преступления, после его достижения можно считать исчерпанным. Если же преступление посягает на публичные интересы, примирение с потерпевшим не снимает конфликтную ситуацию». В подтверждение своей позиции авторы приводят ситуацию состоявшегося примирения по делам об оскорблении представителя власти (например, нецензурная брань в отношении инспектора ГИБДД при выполнении им своих обязанностей). «Можно считать, – отмечают ученые, – что примирение компенсирует имевшее при оскорблении унижение чести и достоинства конкретного физического лица, но оно никоим образом не восстанавливает и не может восстановить нарушенный авторитет власти». Равным образом невозможно, по мнению авторов, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, когда в качестве основного и единственного объекта преступления выступают интересы общества или государства.

Представляется, что по уголовным делам о преступлениях, посягающих на интересы общества и государства, в качестве основного компенсаторного механизма выступает институт наказания, столь же публичный по своей социально-правовой природе, как и указанные виды преступных посягательств. Однако в таком случае

встает вопрос о том, как поступить, если осуществление уголовного преследования в полном объеме по подобным делам в силу их небольшой опасности и положительного посткриминального поведения виновного, направленного на заглаживание причиненного вреда, представляется нецелесообразным. Н.В. Артеменко, А.М. Минькова [5, с. 54] считают, что освобождение лица от уголовной ответственности возможно не в связи с примирением с потерпевшим, а в связи с деятельным раскаянием.

А. Шамардин [6, с. 158], поддерживая точку зрения о необходимости ограничить круг преступлений, по которым возможно было бы примирение, отмечает недопустимость прекращения за примирением сторон производства по преступлению, объектом которого является не только личность или собственность, но и общественный порядок и безопасность, здоровье населения и общественная нравственность, экологическая безопасность, безопасность движения и эксплуатация транспорта и т. д. Автор отмечает, что необходимо ограничить перечень преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности за примирением сторон, лишь теми деяниями, которые не затрагивают публичных интересов, одновременно расширив круг дел частного обвинения. Очевидно, что наличие потерпевшего по таким делам не исключает того, что данные преступления создают угрозу для населения в целом, а не только для частных лиц. В такой ситуации представляется достаточно обоснованным мнение о том, что прекращение уголовного дела только на основании волеизъявления потерпевшего и обвиняемого по таким делам нельзя признать справедливым.

Ю. Голик предлагает в данном случае компромиссное решение. Автор пишет: «Нигде не говорится о том, что по делам, например, об экологических преступлениях условием прекращения дела должно быть возмещение вреда не только лицам, чье здоровье было подорвано, но и государству, поскольку именно оно должно будет провести работы по восстановлению нормальной экологии» [7, с. 21]. Она отмечает, что институт примирения сторон должен рассматриваться шире, чем указанный в статье 25 УПК РФ порядок прекращения уголовных дел. В качестве одного из дополнений данного института ею предлагается разработка такой процедуры, которая давала бы возможность выступать государству в качестве заинтересованного лица. По уже упоминавшимся делам об экологических преступлениях, например о нарушении правил обращения экологически опасных веществ и отходов, необходимо привлекать в качестве заинтересованных лиц представителей соответствующих государственных органов и проводить расчеты сумм, подлежащих возмещению. И действительно, если бы примирительная процедура включала не только участие лиц, непосредственно признанных потерпевшими, но также представителей государственных органов, которые будут нести расходы по устранению последствий преступлений, то рассматриваемая проблема могла бы обрести свое решение.

Однако если в ситуации с возможностью примирения по делам о преступлениях, объектами которых являются общественный порядок, здоровье населения,

экологическая безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта и т. п., можно так или иначе прийти к единому решению, то в случае примирения сторон по уголовным делам о преступных деяниях, предусмотренных, например, по части 1 статьи 318 УК РФ (применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей), возникает более серьезная проблема (в том смысле, что решение в данном случае найти намного сложнее).

Рассуждая о возможности реализации примирительных процедур по уголовным делам, где потерпевшим является представитель государственной власти, Е.В. Попаденко [8, с. 22] утверждает, что «исключение возможности примирения с обвиняемым означает для потерпевшего – представителя власти безосновательное ограничение его прав и ущемление интересов по сравнению с рядовым гражданином. Правоприменители, запрещающие сопутствующее примирению прекращение уголовного преследования, фактически делают для обвиняемого бессмысленным как само примирение, так и заглаживание вреда, например в денежной форме». Конечно, можно поспорить о бессмысленности заглаживания обвиняемым причиненного им вреда: ведь таким образом лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, в лучшую сторону изменяет для себя уголовно-правовые последствия. Но в целом приведенная позиция достаточно обоснована.

На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос вытекает из положений закона. Согласно статьям 25 УПК РФ и 76 УК РФ при наличии указанных в них условий уголовные дела могут быть прекращены в связи с примирением по заявлению потерпевшего или его законного представителя. Таким образом, прекращены могут быть только такие дела, по которым имеется потерпевший и преступные действия совершены непосредственно против него и его прав. В тех случаях, когда преступное посягательство обращено на иной защищаемый законом объект, по роду которого указанные преступления расположены в соответствующих главах УК РФ, а потерпевший при этом выступает лишь как дополнительный объект этого посягательства, примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный основному объекту преступного посягательства. Значит, в этом случае преступление в целом не теряет своей общественной опасности и уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено.

Вместе с тем представляется, что если по делам о «двухобъектных» преступлениях посягательство на основной, приоритетный объект в силу малозначительности может быть признано формальным, а с потерпевшим достигнуто примирение, то и они также могут быть прекращены за примирением сторон. Однако признавать или не признавать посягательство малозначительным, будет решать лицо, в производстве которого находится уголовное дело. Данное решение суд, следователь, дознаватель должны будут мотивировать в постановлении.

На наш взгляд, примирение возможно всегда, когда преступление обращено против частных интересов потерпевшего, т. е. в случае причинения вреда конкретному потерпевшему. Если же речь идет о «двухобъект-

ных преступлениях», а вред причиняется не только потерпевшему, но и обществу, суду необходимо оценивать объем вреда, причиненного интересам общества. Мы полагаем, что, если объем значительный, примирение состояться не может.

Среди проблем института примирения с потерпевшим, поднимаемых в научной литературе, существует и вопрос о том, возможно ли примирение сторон в случае гибели потерпевшего. Казалось бы, в данном случае не должно возникать каких-либо вопросов. Часть 8 статьи 42 УПК РФ четко закрепляет, что по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников. Выходит, что законный представитель потерпевшего также может изъявить желание примириться с лицом, совершившим преступление. Однако решение данной проблемы носит не столь однозначный характер. В.В. Воронин, например, отмечает, что основным назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, т. е. непосредственных жертв соответствующих общественно опасных деяний, жизни, здоровью, нравственности и имуществу которых причинен вред в той или иной форме [9, с. 52]. Одним из условий примирения сторон в уголовном процессе является возмещение виновным лицом вреда, причиненного непосредственно погибшему потерпевшему (но не заглаживание вреда, причиненного смертью родственника лицу, признанному в этой связи представителем потерпевшего или потерпевшим). В случае же прекращения уголовного дела за примирением лица, совершившего преступление, и представителя погибшего данное условие фактически не выполняется. Автор приходит к выводу о том, что «представители потерпевшего не могут обладать правом совершать те или иные действия, не отвечающие интересам погибшего, в том числе лишаящие последнего права на уголовное преследование виновного лица, посягнувшего на самое дорогое и ценное, что у него было, – жизнь» [10, с. 6]. Данный вопрос спорный. Однако попробуем разрешить данную ситуацию на основе норм закона.

Статья 25 УПК РФ именуется «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон». Обратимся к уголовно-процессуальным понятиям, закрепленным в статье 5 УПК РФ. Пункт 45 статьи 5 УПК РФ закрепляет, что сторонами в уголовном процессе являются участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения. Таким образом, во-первых, законный представитель (представитель), так же как и потерпевший, относится к одной из сторон уголовного процесса – стороне обвинения (пункт 47 статьи 5 УПК РФ). Во-вторых, часть 3 статьи 45 УПК РФ наделяет законных представителей и представителей потерпевшего теми же процессуальными правами, что и потерпевшего. В-третьих, согласно части 1 статьи 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется

постановлением дознавателя, следователя или суда. Как уже говорилось, согласно части 8 статьи 42 УПК РФ, если последствием преступления является смерть лица, то права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников. В таком случае близкий родственник погибшего приобретает процессуальный статус потерпевшего. Таким образом, близкому родственнику лица, погибшего в результате совершенного преступления (например, в случае нарушения лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшего по неосторожности смерть человека, – часть 2 статьи 264 УК РФ), признанному постановлением дознавателя, следователя или суда потерпевшим либо его представителем, закон позволяет являться одной из сторон примирения по уголовному делу.

Однако справедливо ли подобное положение вещей, допустимо ли с морально-этической точки зрения? На наш взгляд, нет. Поэтому предлагаем ввести ограничение на применение статьи 25 УПК РФ в случае гибели потерпевшего. Подобные предложения уже поступали к законодателю. Так, в феврале 2011 года в Государственную думу Российской Федерации поступила инициатива «ограничить возможность уйти от уголовной ответственности тем, кто убил человека, за рулем». В качестве своих аргументов инициаторы изменений приводят примеры из практики по ряду уголовных дел, вызвавших широкий общественный резонанс, прекращенных производством за примирением сторон [11, с. 43]. «Возможность примирения без уголовного дела – это довольно удобный способ откупиться от наказания. Однако зачастую он оказывается спорным. На каком основании родные идут на примирение с убийцей, кто им дал право прощать или не прощать, если пострадавший погиб?» [12, с. 21]. Если же обратиться к практике прекращения уголовных дел по югу Тюменской области, то и здесь увидим, что преступление, предусмотренное статьей 264 УК РФ, является одним из наиболее распространенных составов, по которым уголовные дела прекращаются за примирением сторон [13, с. 57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леви А.А. Потерпевший в уголовном процессе : конспект лекций. М.: РУДН, 2007. 179 с.

2. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Проспект, 2008. 105 с.
3. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 3.
4. Арипов Т.Э. Статус обвиняемого и потерпевшего в условиях реализации принципа состязательности // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России) : материалы всерос. науч.-практ. конф. (28–29 мая 2010 г.). Ч. 1. М., 2010. С. 27.
5. Артеменко Н.В., Минькова А.М. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности посредника, прокуратора и инициатора преступления в уголовном праве РФ // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 48–54.
6. Шамардин А.А. Некоторые аспекты закрепления элементов принципа диспозитивности в УПК РФ // Роль университетской науки в региональном сообществе : материалы международной научно-практической конференции (Москва-Оренбург, 1–3 сентября 2003 г.). В 2 ч. Ч. 2. Оренбург: РНК ГОУ ОГУ, 2003. С. 300.
7. Голик Ю. Институт примирения с потерпевшим нуждается в совершенствовании // Уголовное право. 2003. № 3. С. 21.
8. Попаденко Е.В. Применение примирительных процедур (медиации) в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010. 147 с.
9. Воронин В. В. Возможно ли примирение сторон в случае гибели потерпевшего? // Уголовный процесс. 2007. № 2. С. 52–54.
10. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 6.
11. Гричаниченко А. Проблемы прекращения уголовных дел частного обвинения // Уголовное право. 2006. № 3. С. 43.
12. Ларин А.М., Мельникова В.М., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. М.: Юрист, 1997. 315 с.
13. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2006 г. // Российская юстиция. 2007. № 5. С. 57.

RIGHTS OF VICTIMS IN THE APPLICATION OF NORMS OF TERMINATION OF CRIMINAL CASES RELATED TO CONCILIATION OF DISPUTES

© 2014

I.L. Sterlegova, senior lecturer of the department «Criminal Procedure and Criminalistics»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: conciliation procedures; restorative justice; mediation; alternative dispute resolution in criminal proceedings; termination of criminal case due to conciliation of disputes; criminal policy.

Annotation: Termination of the criminal case is one of the essential acts of criminal proceedings. The goals of individual protection from illegal or unfounded charge, conviction, restriction of rights and freedom are achieved by termination of the criminal case. This act completes not only conduct of preliminary investigation but conduct of the entire criminal case in general. This act determines the fate of a person involved in this case as the accused or suspect in the course of the criminal proceedings. However the issue of termination of the criminal case related to conciliation of disputes refers to the victim's rights and deserves independent consideration.

In Russia there has been and there is theoretical development and implementation of peaceful and compromise forms of criminal conflicts resolution into criminal legal procedure. These are the conflicts emerging as a result of the crimes of moderate and average severity, i.e. those stipulating punitive measure up to five years of prison for intentional acts, or imprudent acts that inflict punishment of more than three years of prison. Such form of termination of criminal or legal conflict secures victim's right to quick indemnification and releases the victim from the necessity of further participation

in legal proceedings due to termination of the criminal case, and substantially releases the victim of stress in the course of investigation and court proceeding.

Settlement of criminal and legal conflicts in a peaceful way allows the government to save human resources, time and finance necessary for conduct of criminal proceedings. However such procedure can have negative nature when the victim is exposed to threats and enforcement for “reconciliation” on the part of the people interested in termination of the case.

The article considers some of the controversial issues of the Russian criminal proceedings related to possible extension of conciliation procedures (mediation) at different stages of criminal proceedings. The author suggests some possible alterations of the criminal procedure legislation.